

Л.Г. Иванова

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА, КНИЖНОСТЬ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Наряду с анализом различных подходов к изучению книжной культуры предпринимается попытка осмысления социологического подхода. Предлагается определение понятий «книжная культура» и «книжность» в контексте социологии культуры.

В условиях резких социальных перемен актуальными для изучения становятся проблемы, связанные с трансформациями в культуре, особенно в тех ее аспектах, где традиционные формы меняют не только свои внешние атрибуты, но кардинально меняется и их внутреннее содержание. Примером тому может служить книжная культура.

В настоящее время существует множество подходов к изучению книжной культуры.

Ряд исследований опирается на концепцию высокой культуры, позволяющей поместить книжность в этическое поле. Тогда книжная культура – проявление большой культуры, выражение нравственного духа личности. Она ограничивается: умением различать высокие образцы литературы от подделок; умением учиться вечному и доброму от великих мастеров словесности; стремлением к дальнейшему распространению хорошего вкуса и нравственных правил в своем ближнем и дальнем окружении.

Большинство исследователей используют исторический метод, позволяющий соединить и теоретические, и конкретно-прикладные аспекты.

Для исследователей-книговедов предметом изучения является книга как продукт книжной культуры. Они определяют книгу как «...произведение письменности или печати, имеющее любую читаемую знаковую форму (идеографическую, алфавитную, нотную, цифровую), зафиксированную на любом материале...»¹. Форма книги рассматривается с точки зрения материала (носителя зафиксированной информации) и особенностей материальной конструкции². Различают также форму

¹ Баренбаум И.Е. К вопросу об универсальном определении понятия «книга» // Книга: Исслед. и материалы. 1977. Сб. 34. С. 11.

² Швецова-Водка Г.Н. Книга и документ: соотношение понятий // Книга: Исслед. и материалы. М.: ТЕРРА, 1994. Сб. 68. С. 30.

конструктивную и семиотическую (знаковую)³. К свойствам книги как знаковой системы отнесены не только особенности знаков, в которых воплощается информация, но и качества материального носителя, а также способы нанесения знаков⁴. Кроме традиционной книги-кодекса из бумаги или ее заменителей отмечают новые формы существования книги: микрофиши, микрофильмы, запись на других носителях⁵.

В современных исследованиях предпринимаются также попытки подчеркнуть уникальную роль книги в системе культуры. Например, по определению И.В. Поздеевой, книга выступает как важнейший «факт и фактор культуры»⁶, а по выражению Б.И. Краснобаева и Л.А. Черной, книга в России является детищем культуры и «одновременно главным ее строительным материалом»⁷.

Встречаются попытки охарактеризовать понятие «книжная культура», его состав и структуру. Так, частью отечественной и мировой культуры признает книгу и, следовательно, книжную культуру отечественный книговед и искусствовед А.А. Сидоров. «Культура книги – часть общественной культуры определенного периода. Мы обязаны уметь и выделить в книге ее неповторимо индивидуальные черты и наряду с этим видеть их общность, неотделимость истории книжного дела от истории культуры в целом, от истории развития общества»⁸.

В.И. Гульчинский, оценивающий книжную культуру как часть культуры общества, предлагает рассматривать ее «как исторически обусловленную общественную деятельность по созданию, распространению, потреблению и хранению книги и других носителей информации. Через культуру общества с книжной культурой связаны и ее взаимообуславливают производительные силы и производственные отношения, политическая и юридическая надстройка (социальные институты, органи-

³ Гречихин А.А. Общая библиография. Теорет.-методол. основы: учеб. пособие / Моск. полигр. ин-т. М., 1990. С. 38–39.

⁴ Немировский Е.Л. К вопросу об определении книги как знаковой системы // История книги. Теорет. и методол. основы: сб. науч. тр. / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. М., 1977. (Актуал. пробл. книговедения; Вып. 2). С. 34, 43.

⁵ Коссов Б.И. Новая эра книги // Сов. библиогр. 1990. № 6. С. 29.

⁶ Поздеева И.В. Исторические судьбы дониконовской Московской печати // Книга: Исслед. и материалы. М., 1994. Сб. 67. С. 110–111.

⁷ Краснобаев Б.И., Черная Л.А. Книжное дело // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч. 2. С. 323.

⁸ Сидоров А.А. Об исследовательской работе по истории русской книги // Книга в России до середины XIX века. Л.: Наука, 1978. С. 10.

зации и учреждения), определенные формы общественного сознания людей»⁹.

Безусловно, культура книги является важнейшей составляющей книжной культуры, характеризующейся и издательской культурой, и искусством книги, и культурой полиграфического воспроизведения. Здесь и выбор репертуара, уровень исполнения редакционно-издательских процессов, творческое применение стандартов, художественно-техническое конструирование издания, соответствие аппарата издания его целевому назначению и читательскому адресу, искусство оформления (культура шрифтового оформления, книжная графика и дизайн, искусство художественного переплета и т.д.), типографское искусство. Оправданно ли усиленное внимание исследователей к чисто отраслевым, производственно-прикладным аспектам книжной культуры, являющимся предметом изучения книжного дела? На наш взгляд, реалии сегодняшнего дня подсказывают иной путь.

Процессы развития современной цивилизации и глобализации информационного общества влияют на трансформацию в культуре, которая сформировалась как культура книжная, основанная на функционировании традиционной книги. Но можем ли мы определять ее без учета изменений в обществе, меняющейся культуре, культуре модернизационной? «Книгоцентризм» в этом случае, и это очевидно, отстывает. Целесообразным представляется определение книжной культуры, книжности в контексте социологии культуры.

Если исходить из понятия культура, то книжность можно рассматривать как особую культурную форму, эволюционирующую под воздействием общих тенденций развития культуры и обладающую территориальной и социальной спецификой. Содержание книжности может быть понято как совокупность технологий, практикуемых в обществе по отношению к тексту. Эти технологии могут быть разбиты на писательские (творчески производительные), коммуникативные (трансляционные), потребительские (присваиваемые). В книге мы находим все элементы культуры. В них конструируются ценности, наследуются нормы, вырабатываются соответствующие институты и формируются смыслы. Книжности свойственна интегративность, поскольку она включена в модернизационные институты: образование, семья и др. Посредством книги происходит не только обучение, но и социализация. Однако существуют истори-

⁹ Гульчинский В.И. Книжная культура и ее источники // Тез. докл. 6 Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения. М., 1988. С. 11–13.

ческие пределы книжности: она появляется раньше модернизации и на определенном этапе умирает либо уходит на периферию, заменяясь по функциям на другие виды культуры: экранная, медийная и др. Определяя книжность как особый вид книжной культуры, можно выделить ее пространственную составляющую: ранее книжность представлялась как вид религиозной культуры. Владение книжной культурой являлось фактом принадлежности к высшему знанию.

Множественность определений книжности, используемых в литературе, свидетельствует, прежде всего, о возможности ее исследования в терминах разных гуманитарных наук, в том числе и социологии. В настоящей работе делается попытка осмыслить социологический подход к изучению книжной культуры.

В рамках теории модернизации достаточно симультанно использование понятий «книжная культура» – «книжность»; «литературная культура» – «литературность». Исследователям интересно, какое сообщество людей складывается вокруг и по поводу публикации, распространения и чтения определенных текстов. Например, по мнению социологов Л. Гудкова и Б. Дубина, литературная культура определяется как «результат взаимодействия авторов, педагогов, издателей, критиков, библиотекарей и книгопродавцов, педагогов и читателей»¹⁰. Мы же остановимся на понятиях «книжная культура» и «книжность». Более широкое понятие «книжность» может нам заменить статичное «книга». Очерчивая рамки предложенных теорией модернизации исследований, можно обозначить точки соприкосновения книжности и модернизации, изложенные в исследованиях упомянутого выше Б. Дубина¹¹. Обращаясь к истории вопроса, автор вспоминает, что на заре модернизации люди вступают в общество, становятся обществом, обретают свое место в обществе, создавая и практикуя культуру, иными словами, производя новые ценности и образцы в современном мире. Ведущая роль культуры как плана или сферы общезначимого во множестве согласованных социальных действий и взаимодействий была бы невозможна без ее автономизации. Культура в ее идеальной всеобщности не может быть связана ни с каким отдельным институтом, воплощена в той или иной институциональной структуре. Значимость культуры может быть обеспечена только резким расширением массовой базы производства, распространения и усвоения

¹⁰ Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. М.: Эпицентр; Харьков: Фолио, 1995. С. 8.

¹¹ Дубин Б. Другая история: культура как система воспроизводства // Отечественные записки. 2005. № 4.

культурных образцов. Всеобщая же значимость подобных смысловых ориентиров требует их всеобщей же распространенности, а это делает одной из важнейших внутренних проблем культуры и общества, живущего культурой, проблему универсальной коммуникации и, далее, поддержания и развития форм этой коммуникации.

Встает проблема техники бескачественных, целевых, целесообразных средств сообщения. Значения инструментальности, рациональности, а потому всеобщности и общедоступности, встроены здесь в саму структуру передаваемых образцов и составляют один из их сложно соотнесенных смысловых уровней. «Средство коммуникации и есть сообщение», – сформулировал этот принцип Маршалл Мак-Люэн¹². Хорошим примером этого может служить книга. Парадоксальность состоит в том, что предельная индивидуализация условного переживания и игрового усвоения смысла обеспечена предельной же деиндивидуализацией коммуникативных средств (универсальный язык, алфавитная печать, портативная форма и т.п.). Отделившийся от любого «здесь и сейчас» образец становится автономным устройством по самораспространению и самовоссозданию, как бы спорой культуры. Таким образом, по мнению автора, рождение массмедиа было, в содержательном плане, предрешиено: как таковое изобретение или приложение техники к образцам культуры – лишь вопрос времени. Техника, в данной ее трактовке, воплощает принцип и процесс смысловой рационализации. Технические средства коммуникации подключаются именно к тем образцам, которые наделяются значением всеобщих, и утверждают, распространяют, поддерживают их в качестве таковых. Техника задает и обеспечивает сообщаемость образца. Без техники современная культура лишилась бы динамизма.

Поэтому модерная эпоха – «эпоха технической воспроизводимости». Первым из «технических» устройств всеобщей коммуникации, которые Маршалл Мак-Люэн назовет «медиамесиджем» и «медиамассажем», стала печать. Она создала основу для европейской образовательной революции, предопределила появление массовых газет и журналов, массовой словесности в них, массовых же библиотек, короче, произвела революцию коммуникативную. Далее возникла фотография, затем радио, кино и т.д. Появление каждого такого нового коммуникативного средства фиксирует трансформацию масштабов участия субъектов в коммуникативных процессах, т.е. в жизни общества как таковой. В этом смысле

¹² Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2003.

массовая культура, конечно же, не отрицание и не разрушение культуры («подлинной», «высокой» и т.п.), а ее продолжение на другом уровне и другими средствами. Образовательная, печатная, масскоммуникативные «революции» встраивают новые модели поведения, новые способы его организации и регуляции, создававшиеся на протяжении десятилетий новыми элитами современных обществ, в репродуктивные системы социума – институты социализации, массовой мобилизации и пр., которые и сами должны были еще сложиться как всеобщие и формальные. Поэтому, в сравнении с экономическими и политическими трансформациями, эти «революции» разворачиваются и осознаются позже.

На материале книжности как символического отражения модернизации, общественного расслоения, массовизации культуры можно проследить процессы социальной динамики и усложнения репродуктивных структур общества. Литература в ее современной, социологически значимой трактовке зарождалась как предмет, фокус, повод для общественной дискуссии, вместе с самим современным «обществом», духом общности, модерными формами, открытого и взаимно заинтересованного общения разных групп, слоев, социальных акторов.

Книжность как носитель образца выносит на обсуждение интеллектуальных групп, претендующих, в силу владения письменно-литературными навыками, а также навыками книжности и развитой системы суждений о словесных искусствах на независимое общественное положение, наиболее острые проблемы нового общества, такие как социальное расслоение и социальный порядок, норма и аномия, город и деревня, центр и периферия, гендерные определения, социальные движения (революция), предельные ситуации (война, катастрофа, эпидемия), личностная идентификация и жизненный путь (напряжения, конфликты, сбои «биографии» как модели самопостроения и самопонимания). Литература достигла относительной автономии в качестве культурной подсистемы, а признанные носители норм и стандартов книжного поведения, суждений, оценок – значимого положения в обществе как своего рода эксперты по современности, ее проблемам и специфическим средствам их репрезентации. Механизмом институционального воспроизводства данных групп и воспроизводства книжности, как они ее понимают, выступает открытая общественная дискуссия.

Другие группы в модерном обществе отстаивают значение культуры и литературы как набора обобщенных образцов, традиций, репрезентативных техник, имеющих надвременную значимость. В этих рамках литература и другие искусства понимаются как классика, традиция. Этим

задаются временные и пространственные границы института литературы, а через введение соответствующих образцов и техник их рационализации в системы преподавания (национальную школу) – и границы культурной идентичности нации, человека национального, человека культуры.

Механизмом институционального воспроизводства данных значений культуры, литературы, искусства и групп, их отстаивающих, поддерживающих и репродуцирующих, выступает школа. На уровне социальных коммуникаций – практика переиздания в составе «классических» и «школьных» библиотечек, на правах «золотых полок» и в форме других подобных им издательских стратегий, а в плане культуры – ориентация на образец, норму, авторитет, которая могла выражаться как цитата, стилизация. Иные значения литературы сложились в группах литературно образованных интеллектуалов, работающих на рынок. Они соединяют отдельные узнаваемые элементы современности (актуальности) с нормативно утвержденными техниками повествования, создавая синтетические образцы, рассчитанные на немедленное и широкое узнавание массы.

Механизмом воспроизводства этой системы значений и разделяющих их групп выступает повторение – стереотип, клише, штамп и т.п. Стереотипность относится к жанровой природе и поэтике текстов, к определениям реальности в них, к используемым в них повествовательным приемам, к средствам тиражирования образцов (газета, тонкий журнал), наконец, к самой фигуре, имиджу успешного писателя-звезды. Стереотипность изображаемого и средств изображения исключает нужду в актуальном интерпретаторе (критике, рецензенте), а краткосрочность обращения и постоянная смена образцов не подразумевает систематического обучения их пониманию, а тем самым исключает и фигуру посвященного наставника, например, школьного учителя.

Если иметь в виду подобные социокультурные рамки, то массовая культура в ее реальном функционировании – и прежде всего книжность в ее общедоступной печатной форме – фиксирует «нижний» предел распространения образцов. «Верхний» же уровень задается модой – сезонной сменой «потребительских» образцов по мере их спуска в нижние слои общества через повышение тиража, изменение типа издания, его инсценизацию в расчете на массового зрителя, читателя. Важно, что при этом не только постоянно дифференцируются реальные группы создателей и потребителей образцов – литературные движения, группировки со своими структурами поддержки и кругами публики, но и институциональные подсистемы поддержания и воспроизводства образцов (актуальная литература и критика; классика, литературоведение, школа; мода;

рынок). Однако как массовый уровень не исчерпывает богатства реальных связей и коммуникаций в культуре и обществе, так и рынок не создает и не в силах создать общество, «большое» общество, тем более он не может его заменить, заместить. Он лишь оформляет наличную структуру ценностей и интересов ведущих групп. Если более активны среди них – как в западных обществах, описываемых выше, – динамичные группы и движения, ориентированные на повышение смысла собственных действий и их оценки значимыми другими, несущие с собой значения нового, современного, многообразного, то композиция их интересов, ориентиров, идеалов, соответственно, институционализируется в формах рынка (и будет тиражироваться средствами массовой коммуникации). Она станет условной мерой, мысленным эталоном в ситуациях различного взаимодействия, а далее – образцом (нормой) для освоения или отталкивания других выдвигающихся на авансцену групп. Если же в различных сегментах более образованной и «статусной» части социума, как это было в советской России, а во многом сохраняется и сейчас, преобладает установка на адаптацию и привычку, то задавать тон, закрепляться, воспроизводиться и распространяться в институциональных формах будет именно рутин. А стало быть, и в дальнейшем следует ожидать только понижения уровня запросов и мотивов действия, его ориентиров, критериев оценки результативности, смысловой девальвации.

На современном этапе книжность становится частью общей культуры, поэтому несет отпечаток всех изменений, которые происходят в культуре, таким образом, обозначаются вызовы: вызов новых технологий (от TV до компьютерных технологий); вызов традиционной культуры (книга имеет сакральный статус). Современный, сегодняшний вызов – социальный, когда новые общественные группы вынуждены черпать знания из коллективного опыта. Очевиден кризис разных культур: книжной и некнижной. Кризис книжности – часть общего кризиса. Конфликтной средой выступает городская жизнь, которая наполнена конфликтами нового типа, про которые на языке обыденной культуры говорить невозможно. Современная городская культура предполагает смену жизненных статусов, она уже не может дать ответы на интересующие акторов книжной деятельности вопросы, что явно ведет к отказу от традиционной книги.

Получено 8.09.2009